

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

15 сентября

№ 18.

1866 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Юля 1861 года.
 Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

И а г р а д ы:

а) Орденомъ.

Учитель Тамбовской Семинаріи и Секретарь Правленія оной, Коллежскій Совѣтникъ *Михаилъ Кадомскій*, въ воздаяніе отлично-усердной службы и особыхъ трудовъ, по засвидѣтельствуванію Начальства, согласно удостоенію Комитета Министровъ, Всемилостивѣйше пожалованъ указомъ, въ 24 день Юня сего 1866 года Капитулу даннымъ, кавалеромъ ордена св. Станислава второй степени.

б) Медалямъ:

Вслѣдствіе представленія Епархіальнаго Начальства, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, согласно удостоенію Комитета Министровъ, Всемилостивѣйше пожалованы медалями, для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ: а) *Золотою* — Лебедянскій 1-й гильдіи купецъ *Николай Игумновъ* и б) *Серебрянною* — крестьянинъ села Ерошеевки въ Тамбовскомъ уѣздѣ *Максимъ Свистуновъ*, за заслуги ихъ по духовному вѣдомству.

в) Благословеніемъ Святѣйшаго Синода.

Вслѣдствіе представленія Епархіальнаго Начальства, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ: купцамъ г.

Борисоглѣбска: 1-й гильдіи *Николаю Иванову* и 2-й *Евиму Мякову*, за дѣятельное и полезное участіе ихъ въ сооруже- нии и снабженіи ризницею и утварью соборной Преображен- ской церкви въ г. Борисоглѣбскѣ и за пожертвованіе на сей предметъ изъ собственности тѣмъ и другимъ по 3 тысячи руб., преподать благословеніе Святѣйшаго Сѹнода, о чемъ и выдать имъ установленныя для сего грамоты.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 26-й день Іюля, Высо- чайше соизволилъ утвердить всеподданѣйшій докладъ Святѣй- шаго Сѹнода о бытіи епископомъ Можайскимъ, викаріемъ Мо- сковской епархіи, настоятелю Московскаго Богоявленскаго монастыря, ректору Московской семинаріи, архимандриту *И- натію*, и совершеніи нареченія и посвященія въ Москвѣ.

21 минувшаго Августа происходила въ Свято-Троицкомъ Соборѣ Александровской лавры Хиротонія бывшаго ректора Вятской Семинаріи Архимандритъ *Павла*, въ санъ епископа Вологодскаго. Посвященіе сіе совершено Высокопреосвящен- нымъ Исидоромъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петер- бургскимъ съ преосвященными: Макаріемъ Митрополитомъ Месапотамскимъ, Архіепископомъ Васиіемъ—членомъ св. Сѹ- нода, Филоеємъ Архіепископомъ Тверскимъ и епископами: Ни- жегородскимъ Нектаріемъ, Ладожскимъ Аполлосомъ и Выбор- гскимъ Іоанномъ.

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Объ опредѣленіи въ должности и на священно-слу- жительскія мѣста.

По вѣдомству благочиннаго Моршанскаго уѣзда Никиты Громковскаго, въ должности духовника, согласно выбору мѣст- наго духовенства, утвержденъ священникъ села Усердина Іо- аннъ *Соловьевъ*.

Состоявшій при церкви Тамбовскаго училища дѣвицъ духовнаго званія священникъ и законоучитель Захарій *Ястребцевъ*, согласно прошенію, но разстроенному здоровью, уволенъ отъ занимаемыхъ должностей. На мѣсто его опредѣленъ бывшій при Семинарской церкви священникъ Іоаннъ *Кротковъ*.

Г. Козлова Ильинской церкви священникъ Евграфъ Козминъ, согласно прошенію, по преклонности лѣтъ, уволенъ заштатъ. На мѣсто его, со взятіемъ дочери, назначенъ во священника студентъ Семинаріи Иванъ *Студенецкій*.

Въ село Кириллово Спасакаго уѣзда на праздное священническое мѣсто рукоположенъ во священника воспитанникъ Семинаріи Василій *Грандовъ*.

Села Пичпанды Спасакаго уѣзда священникъ Василій Кочмировскій, согласно прошенію, по старости, уволенъ заштатъ. На мѣсто его, со взятіемъ его дочери, назначенъ во священника студентъ Семинаріи Иванъ *Добровольскій*.

Въ село Кершенскіе Барки, на мѣсто умершаго священника Матвѣя Никольскаго, со взятіемъ его дочери, назначенъ воспитанникъ Семинаріи Егоръ *Антоновскій*.

Въ село Сесики Липецкаго уѣзда, на мѣсто умершаго священника Матвѣя Маслова, со взятіемъ его дочери, опредѣлено воспитанникъ Семинаріи Степанъ *Бреславскій*.

Села Каликина Лебедянскаго уѣзда священникъ Стефанъ Красивскій померъ. Мѣсто его зачислено за сыномъ его, ученикомъ Семинаріи высшаго отдѣленія Александромъ *Красивскимъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Г. Прокуроръ Московскои Святѣйшаго Синода Конторы, въ отношеніи своемъ въ Консисторію отъ 8 минувшаго Августа изложивъ, что городскіе и сельскіе священники нѣкоторыхъ епархій, препровождая по почтѣ деньги, причитающіяся

Московской Синодальной Типографіи за церковныя книги и листы, адресуютъ конверты на имя Московской Святѣйшаго Синода Конторы, или на имя Синодальной Конторы. Деньги же эти, какъ не принадлежащія Московской Святѣйшаго Синода Конторѣ, по запискѣ по книгамъ ея въ приходъ, а потомъ въ расходъ, каждый разъ пересылаются ею, по принадлежности, въ Контору Московской Синодальной Типографіи, которая имѣетъ свою совершенно отдѣльную отчетность, просилъ Консисторію, для устраненія, на будущее время, происходящей отъ вышеизложеннаго бесполезной переписки, повѣстить всѣхъ городскихъ и сельскихъ священниковъ Тамбовскій епархіи, чтобы всѣ деньги, причитающіяся за церковныя книги и листы, отсылались ими прямо въ Контору Московской Синодальной Типографіи, а не въ Московскую Святѣйшаго Синода Контору.

О чемъ Тамбовская Духовная Консисторія, симъ и объявляетъ священникамъ Тамбовской Епархіи, для свѣдѣнія и руководства.

По поводу разсылки книгъ для епархіальныхъ училищъ «Черниговскія Епар. Вѣд.» сообщаютъ слѣдующую переписку:

Отношеніе Преосвященнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Сіятеельнѣйшій Графъ,

Милостивый государь!

Услышавъ не только отъ духовныхъ, но и отъ мірскихъ людей своей епархіи жалобу на то, что въ числѣ книжекъ, присланныхъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, при прежнемъ Министрѣ, для разсылки по сельскимъ училищамъ, книжка:—*Бояринъ Матѣевъ, А. Суворина,*—весьма вредна для народа, я, по долгу пастырскому, вынужденъ былъ обратиться въ г. директору Черниговской гимназіи, дабы доставле-

ны были мнѣ по одному экземпляру книжки, присланныя для сельскихъ училищъ. По разсмотрѣніи книжки Суворина оказалось, что жалобы на нее справедливы, и по моему убѣжденію она должна быть исключена изъ народнаго употребленія.

Книжка: «Бояринъ Матеѣвъ. А. Суворина. М. 1864 г.» —присланная для раздачи по сельскимъ училищамъ—книжка вредная для народа.

1) Она домогается погасить въ народѣ любовь и приверженность къ св. православію и породить въ немъ нечестивый индеферентизмъ: по суду Суворина, на стр. 10 и 11, благочестивые предки дурно дѣлали, когда вселяли въ него (въ ребенка) убѣжденіе, что только одна православная вѣра, греческаго исповѣданія, истинная и настоящая вѣра, а всѣ другія христіанскія исповѣданія, наприм. католическое, лютеванское — богопротивныя ереси.

2) Она аподиктически осуждаетъ предковъ нашихъ за то, что въ букваряхъ ихъ «помѣщались разныя наставленія дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи» и что они заставляли «учить часословъ, псалтырь, апостольскія дѣянія» стр. 11. По ея суду «болѣе полезно знаніе ариѳметики, лѣчебника и космографіи» стр. 13. Это значить, что для сочинителя все святое — пустота, а важное дѣло—матеріальная польза. И тоже желаетъ онъ посѣять въ народѣ.

3) Черныя краски, какими изобразилъ Суворинъ отношеніе мужа къ женѣ стараго времени (стр. 5. 6), возбуждаютъ мысль, что онъ желаетъ видѣть въ народѣ милую эманципацію: для него покорность жены мужу—насиліе нетерпимое.

4) Книжка домогается ослабить въ народѣ даже вѣрность подданнаго Государю своему. Доселѣ народъ твердо знаетъ, что каждый по присягѣ обязанъ доносить начальству о заговорѣ противъ Государя и государства, о шашняхъ и глупостяхъ какаго нибудь недоучившагося демократа, въ родѣ Суворина, а Суворинъ пишетъ: «теперь всякій порядочный человѣкъ считаетъ за ужасъ и крайнее безчестіе, не только

быть доносчикомъ, но и быть только подозрѣваемымъ въ доносѣ на кого нибудь» стр. 25.

5) Вотъ какъ рисуется Суворинъ правительства времени царя Алексія Михайловича: «тогда правительство не обращало никакого почти вниманія на народъ. Его грабили воеводы, притѣсняли владѣльцы, не жалѣло правительство» (стр. 24). Если бы возможно было, что бы таковы были отношенія правительства къ народу при царѣ Алексѣѣ, царѣ лучшемъ, добрѣйшемъ: то каждый разсуждающій селянинъ дойдетъ до убѣжденія, что нынѣ народъ—для правительства—рабочій воль, чтобы ни говорили нынѣшніе правители. Какое же послѣдствіе изъ этого? Бунты и неповиновеніе правительству. Поучительная же книжка Суворина для народа!

Довода о семь до свѣденія вашего Сіятельства, имѣю честь доложить, не благоугодно ли будетъ учинить распоряженіе и о томъ, дабы книжки присылаемыя изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для епархіальныхъ сельскихъ училищъ, въ предупрежденіе ошибокъ, вредныхъ для церкви и государства, какова ошибка о книжкѣ Суворина, присылались не къ директору гимназіи, какъ сдѣлано при бывшемъ Министрѣ Просвѣщенія, а къ предсѣдателю губернскаго училищнаго совѣта на его распоряженіе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Филаретъ Архіепископъ Черниговскій.

На означенное отношеніе полученъ отъ г. товарища Министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующій:

ОТВѢТЪ:

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый государь и Архипастыр!

Вслѣдствіе отношенія Вашего Преосвященства къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 6 сего Іюля за № 371, имѣю честь увѣдомить, что вмѣстѣ съ симъ мною предложе-

но попечителямъ учебныхъ округовъ, чтобы они сдѣлали распоряженіе по ввѣреннымъ имъ округамъ о недопущеніи на будущее время вообще въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Народнаго Просвѣщенія къ употребленію книги, изданной Московскимъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, подъ названіемъ: «Расказы изъ русской исторіи: Бояринъ Матвѣевъ. А. Суворина, 1864 г.», съ тѣмъ чтобы экземпляры сей книги, оставшіеся неразосланными въ народныя училища, были не медленно возвращены въ Министерство.

Къ сему считаю обязанностію присовокупить, что предназначаемыя для народныхъ училищъ книги впредь будутъ высылаемы непосредственно въ распоряженіе Вашего Преосвященства.

Испрашивая Ваше архипастырское благословеніе, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ отличномъ почтеніи и совершенной преданности и проч.

И. Деяновъ.

(Сын. Отец. № 205).

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Отъ Археографической Коммисіи къ лицамъ, имѣющимъ старинныя рукописи и акты.

Археографическая Коммисія, въ виду того, что нерѣдко частныя собранія рукописей и актовъ подвергаются утратамъ, имѣетъ честь обратиться ко всѣмъ лицамъ, владѣющимъ древними рукописями по части исторіи и путешествій и актами историческими и юридическими *до 1725 года включительно*, съ покорнѣйшею просьбою, если признаютъ удобнымъ, доставлять оныя въ Коммисію для рассмотрѣнія и выбора изъ нихъ заслуживающихъ быть напечатанными. Акты сіи, по снятіи съ нихъ списковъ, будутъ немедленно съ благодарностію возвращаемы. Если же владѣльцы оныхъ пожелаютъ предоставить ихъ въ собственность Коммисіи безвозмездно, или же за во

знагражденіе, которое будетъ ею назначено, соотвѣтственно важности и значенію рукописей и актовъ, то Коммиссія проситъ увѣдомлять ее о томъ. О всякомъ такомъ пожертвованіи будетъ объявляемо въ изданіяхъ Коммиссіи и чрезъ Вѣдомости обѣихъ столицъ.

Прежнее небрежное обращеніе съ источниками Русской исторіи было, какъ извѣстно, причиною многихъ невознаградимыхъ для нея утратъ; такъ напримѣръ, бумаги Крекшина и матеріалы имъ собранныя продавались на толкучихъ рынкахъ и многіе совсѣмъ пропали; пожаръ истребилъ бібліотеку историка Татищева въ его деревнѣ и вмѣстѣ съ нею много рукописей, важныхъ и любопытныхъ, которыми онъ пользовался для своего труда; таже участь постигла и нѣсколько частныхъ бібліотекъ, въ 1812 году, въ Москвѣ. Только посредствомъ обнародованія древнихъ письменныхъ памятниковъ мы можемъ охранить отъ гибели заключающіяся въ нихъ разнообразныя и важныя для Русской науки свѣдѣнія, и Археографическая Коммиссія надѣется встрѣтить полное сочувствіе къ своему вызову со стороны тѣхъ, которымъ дорого бытописаніе нашего отечества. Посылки съ рукописями и актами, подъ адресомъ: *«въ Археографическую Коммиссію при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ С. Петербургѣ,»* будутъ принимаемы на почтѣ бесплатно, при чемъ эти посылки, по распоряженію Почтоваго Начальства, должны быть подаваемы непременно открытыми.

Съ дозволенія цензуры. 5 Сентября 1866 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Госуд. Имуществъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

15 сентября

№ 18.

1866 года.

Б Е С Ъ Д А

О

СИМВОЛЪ ВЪРЪ.

Х.

*Върую и въ Духа Святаго, Господа живото-
творящаго, Иже отъ Отца исходящаго, иже
со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима,
глаголавшаго пророки.—*

До сего времени, братіе, мы бесѣдовали съ вами о Спасителѣ нашемъ, Иисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ, Который по любви Своей къ намъ былъ на землѣ во плоти, пострадалъ за насъ, умеръ, воскресъ и вознесся на небо съ Своею пречистою плотію. О, сладчайшее имя: — Спаситель, Иисусъ Христосъ!—Теперь обращаю ваше вниманіе, православные христіане, къ другому имени, не менѣе утѣшительному, къ имени Утѣшителя Духа Святаго. Мы съ вами вѣруемъ въ Бога, Единого по существу Своему, но въ трехъ лицахъ: Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго. О первомъ лицѣ пресвятыя Троицы было сказано въ 1-мъ членѣ символа вѣры; о второмъ со 2-го члена до 8-го; а въ 8 членѣ говорится о третьемъ лицѣ пресвятой Троицы,—о

Духъ Святомъ. Итакъ по 3 члену символа вѣры мы, христіане, вѣруемъ въ Бога Духа Святаго: *и въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.* О Духъ Святомъ Кириллъ Иерусалимскій такъ учитъ: «единъ есть только Духъ Святой, Утѣшитель. Какъ единъ есть Богъ Отець, и другаго Отца нѣтъ; и какъ единъ есть Единородный Сынъ и Слово Божіе, а брата не имѣеть; равнымъ образомъ единъ есть только Духъ Святой, и нѣтъ другаго Духа равнаго Ему. Итакъ Духъ Святой есть величайшая сила, существо Божественное и непостижимое. Ибо Онъ есть существо живое, умное и освящающее все, что отъ Бога чрезъ Христа сотворено. Онъ просвѣщаетъ души праведныхъ; Онъ и во Пророкахъ, Онъ и въ Апостолахъ въ новомъ завѣтѣ» (Кир. сл. 16). Разсмотримъ же теперь ученіе символа вѣры о Духъ Святомъ.

Духъ Святой есть истинный Богъ, такой же какъ и Богъ Отець и Богъ Сынъ, потому что Ему приписывается имя Господа—*върую въ Духа Святаго Господа.* Онъ есть такой же Творецъ, какъ Богъ Отець и Богъ Сынъ; потому что называется Господомъ *животворящимъ.* Духъ животворящій, т. е. Духъ жизнь дающій. О Богъ Отцѣ сказано было въ 1 членѣ: *Творца небу и земли;* о Богъ Сынѣ во 2 сказано: *Имъ же вся быша.* О Богъ Духъ въ 3 говорится: *животворящаго.* Такимъ образомъ тріединный Господь есть Творецъ всего. Духъ Святой *животворящій* — т. е. Онъ даетъ жизнь тварямъ, особенную жизнь человѣкамъ. При сотвореніи міра Онъ сообщалъ тварямъ жизненную силу. Въ книгѣ Бытія сказано о твореніи: *Духъ Божій пошашеся верху воды;* а это, по ученію св. отцевъ, означаетъ творческое

дѣйствіе Духа Святаго; Онъ носился надъ водою, сообщая ей силу рождать рыбы и прочія водныя животныя; подобно тому какъ птица гнѣздится надъ своими птенцами, согрѣвая ихъ и общая имъ жизнь и силу. А участвуя въ твореніи міра вмѣстѣ съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ, Духъ Святый нынѣ даетъ особенно духовную жизнь человѣкамъ. Какую это жизнь и когда даетъ? Духовную жизнь даетъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него въ таинствѣ крещенія; потому что сказано: *аще кто не родится водою и Духомъ не можетъ внити въ царствіе Божіе*. Мы до крещенія своего всѣ находимся подъ владычествомъ грѣха, во власти смерти духовной; а въ таинствѣ крещенія, силою Духа животворящаго, всѣ обновились, родились въ новую духовную жизнь и получили силу побѣждать грѣхъ и право называться *чадами Божіими*. Такъ мы обязаны Господу Иисусу Христу и животворящему Духу своимъ обновленіемъ, — жизнью христіанскою. — Кто на самомъ дѣлѣ духовную нашу жизнь поддерживаетъ? — Кто вливаетъ въ нашу душу небесную радость, какъ не Духъ Святый? Онъ есть сокровище всѣхъ благъ; отъ Него и радость, и любовь, и миръ въ душѣ, и вѣра, и кротость, и воздержаніе. Кто и теперь чувствуетъ въ себѣ расположеніе и охоту помолиться Богу, послушать съ ревностію поученіе о спасеніи, тотъ симъ обязанъ Духу Святому Утѣшителю и небесному Наставнику нашему. Наша духовная природа чувствуетъ всегда потребность благодати Духа Святаго, безъ которой она не можетъ жить, какъ рыба безъ воды, птица безъ крыльевъ. Рыба безъ воды издыхаетъ, птица безъ крыльевъ не летаетъ: такъ и душа наша безъ благодати Святаго Духа умираетъ грѣхомъ и уже не въ силахъ возноситься къ своему Творцу; высота небесная безъ Духа

животворящаго не доступна для нея. Здѣсь къ объясненію слова—*животворящаго* скажу вамъ, слушатели, что благодать Святаго Духа въ писаніи называется еще водою (Іоан. 4, 14.—7, 38). А почему? Потому что въ водѣ заключается растительная и животная сила. Съ неба сходитъ вода въ дождѣ; не смотря на то что сходитъ въ одномъ видѣ, но дѣйствія имѣетъ различныя; напр., въ ллїи дождь бываетъ бѣлымъ, въ розѣ румянымъ, въ фіалкахъ и гіацинтахъ багрянымъ, и короче сказать, сколько мы знаемъ цвѣтовъ, всѣ они разнаго вида, между тѣмъ свойства ихъ зависятъ отъ дождя: дождь входитъ въ составъ растеній и производитъ въ нихъ разное дѣйствіе. Такъ и Духъ Святой, будучи единъ, и одинаковъ, и не раздѣлимъ, каждому раздѣляетъ благодать, какъ Ему угодно. И какъ сухое дерево, напоенное водою, пускаетъ отрасли: равнымъ образомъ и грѣшная душа, посредствомъ покаянія, получивъ Духа Святаго, произращаетъ плоды правды. Ибо Онъ, будучи одинаковъ по волѣ Отца, именемъ Христа, различныя производитъ дѣйствія. У одного языкъ обращетъ на слово мудрости; у другаго душу просвѣщаетъ пророчествомъ; иному даетъ силу изгнать бѣсовъ; а другому даетъ способность изъяснять Божественное писаніе. Одного укрѣпляетъ въ цѣломудріи; другаго научаетъ милосердію; инаго научаетъ посту и подвигамъ; другаго научаетъ презрѣнію того, что относится до тѣла; инаго уготовляетъ къ мученичеству; въ другихъ другое производитъ; но Самъ въ Себѣ не различенъ, какъ написано: *комуждо дается явленіе Духа на пользу* (1 Кор. 12, 7, 8, 5, и 10).

Иже отъ Отца исходящаго. Духъ Святой предвѣчно исходитъ отъ Бога Отца; Сынъ Божій рождается прежде вѣкъ отъ Отца, а Духъ Святой

исходитъ, это и есть ихъ отличіе; мы научены такъ вѣровать, хотя не въ состояніи понять, что такое рожденіе Сына и исхожденіе Духа Святаго. Что выше разума, того не слѣдуетъ испытывать. Довольно знать, что Богъ Отецъ ни отъ кого не рождается, не исходитъ; Сынъ Божій рождается отъ Бога Отца; а Духъ Святой исходитъ отъ Бога Отца; и все сіе безначально.

Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима. Духу Святому, какъ третьему лицу Св. Троицы, прилично воздавать поклоненіе равное съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ.

Глаголавшаго Пророки. Духъ Святой говорилъ чрезъ Пророковъ. Вамъ, братіе, извѣстно, что были Пророки еще до рождества Христова; эти Пророки писали книги ветхаго завѣта, напр. Моисей, Давидъ, Исаія и другіе. Они писали особенно объ Иисусѣ Христѣ. Онъ еще не родился, а уже Пророки все писали про Него, какъ Онъ родится, будетъ жить на землѣ, будетъ страдать, умереть и воскреснетъ. Слѣдовательно, они знали и будущее, напр. Пророкъ Исаія за 800 лѣтъ ясно сказалъ, что Спаситель родится отъ Дѣвы. Какъ это могло быть? Люди узнавали будущее? Что тутъ за тайна? Да,—тайна и эта разгадывается чѣмъ? тѣмъ, что Пророки не сами отъ себя знали будущее, а отъ Духа Святаго. Духъ Святой, какъ Богъ, знаетъ все, и будущее, какъ настоящее; Онъ и внушалъ Пророкамъ, что будетъ, Они то и писали, что имъ было внушаемо; это и значитъ: *глаголавшаго Пророки.* По этому знайте и вѣруйте, что Св. писаніе ветхаго завѣта написано по внушенію Духа Святаго. Онъ же былъ руководителемъ и Апостоловъ при написаніи новаго завѣта. Въ 50-й день послѣ воскресенія Господа Иисуса, Духъ Святой сошелъ на Апостоловъ

въ видѣ огненныхъ языковъ и сдѣлалъ съ ними такую переменѣну, что они неученые, неграмотные начали говорить на разныхъ языкахъ, и потомъ прошли всю вселенную и Его силою побѣждали мудрецовъ. И такъ, никто не отдѣляй ветхаго завѣта отъ новаго, никто не говори, что нѣкій Духъ тамъ, а иной здѣсь. Поеліку таковой оскорбляетъ самаго Духа Святаго, вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ почитаемаго и во время Св. крещенія во Св. Троицѣ открывшагося. Ибо едиnorodный Сынъ ясно сказалъ Апостоламъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.* Надежда наша на Бога Отца и Бога Сына и Бога Св. Духа, Бога единого по существу, и трончваго по лицамъ.

Послѣ сего кому, братіе, хочется имѣть истинное вѣдѣніе, — а кому бы не хотѣлось? — вотъ источникъ мудрости, — Духъ Святой; Онъ научаетъ всякой истинѣ. О! Братіе, будемъ чаще обращаться къ Духу Святому съ молитвою нашею; будемъ просить и ожидать отъ Него вразумленія, утѣшенія, облегченія, радости и всякаго блага, Богъ Отецъ дастъ Духа Святаго просящимъ у Него. *Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины, Иже везде сый, и вся исполняй, сокровище блажихъ, и жизни подателю, прииди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша!*

Протоіерей В. Никольскій.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О РЕЛИГІИ ХРИСТИАНСКОЙ.

Изъ Огюста Николая.

IV. ВСЕОБЩІЯ ПРЕДАНІЯ.

(Продолженіе)

Изъ преданій персовъ мы уже знаемъ исторію паденія мужа и жены, возмущившихся противъ власти *Ормузда*, ихъ творца, по паущенію *Аримана*, духа злобы, который, позавидовавъ ихъ блаженному состоянію, подступилъ къ нимъ въ образѣ ужа, подалъ имъ плоды и сдѣлался ихъ повелителемъ и пр.

Но Анкетиль—Дюперронъ передаетъ намъ, что, по ученію маговъ, возстановленіе падшаго такимъ образомъ чловѣчества должно совершиться при помощи посредника, котораго они называютъ *Митра*. «*Митра* поставленъ *Ормуздомъ* надъ міромъ «для управленія. *Митра* происходитъ отъ Ормузда, и по книгамъ *Зендавесты* извѣстно Слово (*verbum*), которое происходитъ отъ перваго Начала и «существовало прежде неба, воды и земли, прежде «животныхъ, прежде деревьевъ, прежде огня, прежде «всего міра существующаго, прежде всѣхъ благъ «и всѣхъ чистыхъ источниковъ, устроенныхъ *Ормуздомъ*. Его имя: *я существую*.»—«*Митра*, по замѣчанію Анкетіля, есть посредникъ, т. е. записывающій мѣсто между *Ормуздомъ* и *Ариманомъ*; «онъ ведетъ брань во имя перваго противъ послѣдняго; онъ есть посредникъ между *Ормуздомъ*,

«отъ котораго получаетъ повелѣнія, и людьми, ввѣренными его попеченію.» (*)

Но одно изъ самыхъ рѣзкихъ и самыхъ убѣдительныхъ свѣдѣній по этому предмету, заимствованное изъ преданій персидскихъ, передается намъ голосомъ неподкупнымъ и чуждымъ всякаго подозрѣнія, голосомъ Плутарха. Это любопытное мѣсто, сколько намъ извѣстно, еще не было приводимо въ свидѣтельствахъ; а между тѣмъ оно, по содержанию своему, имѣетъ прямое отношеніе къ нашему предмету. Предоставляемъ судить о немъ всякому; вотъ оно:

«Отъ кого бы ни произошло это очень древнее мнѣніе,—отъ богослововъ ли и законодателей давнопрошедшихъ временъ, или даже отъ поэтовъ и философовъ, но хотя ничего неизвѣстно, кто былъ первый его виновникъ и какимъ образомъ оно столь давно и такъ глубоко вошло въ вѣрованія и убѣжденія людей, что нѣтъ никакой возможности изгладить и искоренить его,—такъ оно часто встрѣчается и повторяется не въ обыкновенныхъ уазговорахъ и не въ общенародной молвѣ, но въ жертвоприношеніяхъ и священныхъ обрядахъ служенія богамъ, у народовъ варваровъ, равно какъ и у грековъ, (**)
то мнѣніе, что міръ не на удачу движется, безъ всякаго управленія провидѣніемъ и разумомъ, и что также не одинъ разумъ упра-

(*) Anquetil — Dupperon, Systeme theogique des Mages; Mem. de l'Academie des inscriptions, t. XXXIV, p. 382. Въ этомъ ученіи подозрѣваютъ заразу манихейства, которое есть не что иное, какъ искаженіе ученія о паденіи и грѣхѣ первородномъ.

(**) Какъ ясно обозначается здѣсь ходъ этого преданія въ его главныхъ движеніяхъ, оно исходитъ отъ богослововъ и законодателей, переходитъ къ поэтамъ и философамъ.

«вляеть имъ, но его жизнь состоитъ подъ распро-
 «раженіемъ двухъ началъ и двухъ могущественныхъ
 «властей, противныхъ одна другой: одна направляетъ
 «насъ на правый путь, а другая, напротивъ,
 «сворачиваетъ и отталкиваетъ отъ него. Эта мысль
 «составляетъ убѣжденіе и вѣрованіе большей и
 «лучшей части древнихъ мудрецовъ. Ибо одни ду-
 «мають, что есть два бога, совершенно противо-
 «положныхъ свойствъ,—одинъ—виновникъ всякаго
 «добра, а другой—виновникъ всякаго зла; а другіе
 «называютъ только одного богомъ, того, кто про-
 «извелъ добро, а другаго—демономъ, какъ дѣлаеть
 «Зороастръ магъ, который, по преданію, жилъ за
 «пятьсотъ лѣтъ до временъ Троянской войны. (*)
 «Сей послѣдній называлъ добраго Бога Ороманомъ,
 «а другаго *Ариманомъ*, и училъ, что между эти-
 «ми *двумя* есть еще *одинъ*, который называется
 «*Митра*, каковымъ именемъ — *Митра* Персы на-
 «зываютъ *того, кто ходатайствуетъ и слу-*
 «*житъ посредникомъ... Но наступитъ время*
 «*роковое, определенное свыше, когда этотъ*
 «*Ариманъ, низведши въ міръ скудость хлѣба*
 «*и влѣсть заразу и моръ, будетъ совершенно*
 «*низложенъ и изнанъ изъ предѣловъ земли;*
 «*и тогда вся земля будетъ гладкая, объеди-*
 «*ненная и ровная и на ней будетъ одна только*
 «*жизнь и одинъ образъ управленія людьми,*

(*) При колебаніи и разнообразіи господствующихъ мнѣній о природѣ и свойствахъ добра и зла, видимо колебалось въ семь отношеніи и само преданіе: *одни* такъ, *другіе* иначе..., напротивъ твердость языка, въ чемъ слѣдуетъ, волиѣ выражаетъ его правдивость. Перо древнихъ, особенно Плутарха, обладало нѣкотораго рода безхитростною гибкостью, дѣлавшею его способнымъ примѣняться ко всеѣмъ положеніямъ истины въ фактахъ, тѣмъ съ большею точностію, что они очень часто не знали ея слѣдствій.

«которые будутъ говорить между собою од-
 «нимъ только языкомъ и жить блаженною
 «жизнью. — Теомомпусъ также пишетъ, что они
 «должны вести непрерывную брань другъ противъ
 «друга (*), до тѣхъ поръ, какъ Плутонъ оконча-
 «тельно будетъ побѣжденъ и погибнетъ навсегда,
 «и тогда люди сдѣлаются блаженными; и что Богъ,
 «который начнетъ это, устроить и приведетъ въ
 «исполненіе, поконитъ однакожъ и отъ себя наз-
 «начаетъ время, не очень отдаленное, для пѣкаго
 «Бога» (**).

Какъ прозрачно это преданіе и какъ оно въ своей первобытной чистотѣ даетъ ясно видѣть все движеніе нашей исторіи отъ самаго происхожденія міра! Тутъ видимъ и паденіе чрезъ искуссителя, и возстановленіе чрезъ Иисуса Христа, и борьбу нечестія съ Его ученіемъ, и господство сего ученія, подъ управленіемъ Иисуса Христа въ Его церкви, которая, дѣйствительно, представляетъ образъ земли, сдѣлавшейся гладкою, объединенною и равною на которой люди управляются одними законами въ духѣ Апостольскомъ и говорятъ однимъ языкомъ вѣры, ихъ одушевляющей. И кто можетъ сомнѣваться, что это преданіе есть также отголо-сокъ истинны пророческой, которую ясно пропо-вѣдывалъ Исаія: *готовьте путь Господу... всякая долина да возвысится и да понизится всякая гора и холмъ, и да будутъ кривые прямыми и колкіе пути гладкими. И явится слава Господа и увидитъ всякая плоть, потому что уста Господни говорятъ* (Ис. 11, 5—5).

Угодно ли теперь выслушать послѣднюю черту схода и какъ бы конечный тонъ этого древня-

(*) Вражду положу между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ ея, оно будетъ поражать тебя въ голову.

(**) Isis et Osiris, nomb. XLII, XLIII, XLIII.

го пророчества? Абуль Фараби, въ своемъ сказаніи о пятомъ поколѣніи царей, говоритъ, что «Зардаштъ, авторъ Магуссіаги, предсказывалъ, что *Освободитель* (тотъ же Богъ, который начнетъ, устронть и приведетъ это въ исполненіе), *родится отъ Дѣвы.*» Такъ выражается одинъ изъ ученѣйшихъ оріенталистовъ (*).

Ученый Морисъ также до возможной очевидности доказалъ, что преданія, съ незапамятныхъ временъ перешедшія отъ патриарховъ и распространившіяся по всему востоку, касательно паденія человѣка и обѣтованія грядущаго Искупителя, внушали всему языческому міру ожиданіе явленія лица знаменитаго и святаго около времени пришествія Иисуса Христа (**). Равнымъ образомъ Булэнвилльеръ въ своемъ сочиненіи о *жизни Магомета* утверждаетъ, что арабы, на основаніи древняго преданія, ожидали избавителя, который дол-

(*) D'Herbelot, *Bibliothèque orientale*, article Zardascht. Персидскія преданія, съ огромною ученостію обследованныя Анкетиль—Дюперрономъ, освѣщены еще новымъ свѣтомъ при помощи вновь открытыхъ религіозныхъ памятниковъ, которые даже до нашихъ дней сокрывались подъ почвою Ассирійской имперіи. Одинъ изъ достойнѣйшихъ преемниковъ этого знаменитаго оріенталиста, Феликсъ Лайярдъ, членъ восточнаго института, рѣшился обогатить новое изданіе означеннаго сочиненія однимъ изъ любопытнѣйшихъ произведеній, относящихся къ настоящей части нашихъ изслѣдованій; но мы отнесли его къ концу этой книги, съ намѣреніемъ доставить нашимъ читателямъ возможность съ большимъ удовольствіемъ читать его свободно. Тамъ они найдутъ новое подтвержденіе этой истины, время отъ времени болѣе уясняемой и нашедшее себѣ столь достойное выраженіе въ Лайярдѣ, какъ современномъ ученомъ и христіанинѣ.—

(**) Mauries, *Histoire de l'Indoustan*, vol. II.

женъ былъ явиться для спасенія народовъ (*). — Мы уже знаемъ, что индусы ожидали воплощенія *Вишну*, или *Брамы* для изглажденія тѣхъ золь и бѣдствій, какія внесены въ міръ *Кали*, или *Калигою*, — великимъ змиемъ (**).

Надобно полагать, что невѣрующіе заключили съ невѣріемъ дружбу на смерть, когда не чувствуютъ, какъ сокрушаются основанія ихъ дружбы подъ тяжестію столь многочисленныхъ и многознаменательныхъ свидѣтельствъ, когда во всѣхъ этихъ предметахъ столь однообразныхъ не видятъ происхожденія ихъ отъ одного первоначальнаго преданія и въ силѣ этого перваго преданія не признаютъ силы самой истины. Но будемъ продолжать, хотя и приходится допустить излишество въ доказательствахъ истины, противъ которой такъ упорствуетъ невѣріе.

Китай,—страна, столь замкнутая въ своей собственной національности, столь враждебная всякому привозному ученію и всякимъ иностраннымъ обычаямъ,—прожилъ ли онъ въ такой же замкнутости отъ этой всеобщей жизни, отъ жизни съ надеждою и ожиданіемъ, которымъ являлся удовлетворить Христосъ?

Легче всего отвѣчать на это утвердительно. Минута терпѣнія, и мы это увидимъ.

Одинъ изъ ученыхъ членовъ Академіи надписей говоритъ, что «въ Китаѣ было издревле вѣрова-
«віе, что послѣ идолопоклоннической религіи, ко-
«торою искажена религія первобытная, установ-
«лена будетъ послѣдняя религія, имѣющая оста-

(*) Vie de Magomet, liv. II, p. 194.

(**) Dubois, t. III. 3-e partie, p. 433.

«ваться въ родѣ человѣческомъ даже до разрушенія міра» (*).

Въ книгахъ *Лиики* (de Likyki), пишетъ Рамзай (**), «говорится о времени, когда все должно быть возстановлено въ первобытномъ великолѣпіи съ пришествіемъ вѣрнаго героя, именуемаго *Кионтце*, что значитъ *пастырь* и *князь*; ему также даютъ имена *высочайшаго*, *учителя всемірнаго* и *верховой истины*. Это — *Митра* персидскій, *Орусъ* египетскій, и *Брахма* индійскій. — Китайскія книги говорятъ даже о страданіяхъ и борьбѣ *Кионтце*.... Кажется, что источникомъ всѣхъ этихъ исторій служитъ древнѣйшее, общее всѣмъ народамъ, преданіе о томъ, что *Богъ* — посредникъ, Которому всѣ народы придаютъ имя *Спасителя* (Soter), изгладить преступленія людскія не иначе, какъ *Самъ* претерпѣвши много бѣдствій и страданій.» — Это, конечно, тоже самое, что мы со всею ясностію знаемъ уже изъ *Прометей* Эсхилова: *твоя казнь не окончится прежде, чѣмъ Богъ принесетъ Себя въ жертву, чтобы замънить тебя въ твоихъ страданіяхъ, и добровольно захочетъ ради тебя низойти во адъ.*

Но весьма достопримѣчательно здѣсь то, что въ Китаѣ, такъ же какъ и въ Греціи, высшая философія согласно съ баснею, проповѣдуетъ ожиданіе *Искупителя*. Мы слышали уже ученіе Сократа объ этомъ предметѣ, послушаемъ теперь *Конфуція*.

Изъ правоучительныхъ сочиненій этого великаго философа, жившаго за шестьсотъ лѣтъ до рож-

(*) De Guignes Memoires de l'Acad. des inscriptions, t. XLV, p. 543.

(**) Discours sur la mythologie, p. 150 — 151.

дества Иисуса Христа, мы знаемъ, что одно изъ самыхъ твердыхъ вѣрованій его было то, что *долженъ быть посланъ съ неба какой-то святой, что онъ будетъ обладать знаніемъ всѣхъ вещей и имѣть всякую власть надъ небомъ и землею* (*). — Такого вѣрованія держался онъ на основаніи древняго преданія.

Абель Ремюза, много занимавшійся изученіемъ языковъ и преданій татарскихъ и китайскихъ, представляетъ новыя свѣденія объ этомъ достойномъ всякаго вниманія предметѣ. Въ своемъ переводѣ сочиненія о *Неподвижности Срединнаго царства*, онъ приводитъ очень любопытный трактатъ о религіи магометанской, писанный на китайскомъ языкѣ, гдѣ читаемъ слѣдующее:

«Министръ Фи обратился съ вопросомъ къ Конфуцію, и сказалъ ему: учитель, не святой-ли ты мужъ? Тотъ отвѣчалъ: сколько я ни стараюсь припоминать, но память моя не представляетъ мнѣ никого, кто былъ бы достоинъ этого имени. Но, продолжалъ министръ, три царя не были ли святыя? Три царя, отвѣчалъ Конфуцій, одаренные превосходною добротою, обладали вполнѣ прозорливою предусмотрительностію и непобѣдимою силою; но я, — *Кіегу*, не знаю были ли они святыя. Министръ продолжалъ: а пять государей не были ли святыя? Пять государей, отвѣчалъ Конфуцій, одаренные превосходною добротою, съ пользою дѣйствовали божественною любовію и неизмѣнною справедливостію; но я, — *Кіегу*, — не знаю, были-ли они святыя. Министръ еще спросилъ: а три императора не были ли святыя? — Три императора, отвѣчалъ Конфуцій, могли быть полезны въ свое время: но я, — *Кіегу*, не знаю, были ли они

(*) *Morale de Confucius*, n-e 196.

«святые. Министръ, пораженный изумленіемъ, сказалъ ему наконецъ: если это такъ, то ктоже тотъ, кого можно назвать святымъ? На этотъ вопросъ Конфуцій, взволнованный, кратко отвѣчалъ: что до меня, Кіегу, то я узналъ изъ преданія, что въ странахъ западныхъ (*) лвится святой человекъ, который, не участвуя ни въ какихъ дѣлахъ правленія, будетъ предотвращать смуты, безъ слова будетъ внушать свободную вѣру, не производя никакихъ перемѣнъ, естественно совершитъ океанъ достохвальныхъ дѣланій. Никто не сумѣетъ назвать Его по имени, но что до меня, Кіегу, то я узналъ изъ преданія, что это истинный Святой» (**).

Патеръ Инторцетта, въ своемъ разсказѣ о жизни Конфуція, также пишетъ, что этотъ философъ говорилъ о Святомъ, который жилъ, или долженъ жить на западъ.—«Этой особенноти, замѣчаетъ Ремюза, не находится ни въ Кингъ, ни въ Тзе—шоу; и миссіонеръ не дѣлаетъ ссылки на какой либо авторитетъ, поэтому можно предполагать, что онъ говоритъ отъ имени Конфуція, языкомъ, соотвѣтствующимъ своимъ видамъ. Но оказывается, что это изреченіе китайскаго философа написано въ Цзе-венъ-луи-тциу, гл. 35; въ Шоу-тангъ-цзе-хао-чингъ-тци, гл. 1; и въ Лиен-тцею-чю-пан-шоу».

Китайскій составитель толкованія на Чунгъ—цунгъ говоритъ, «что святой человекъ сотыхъ поколѣній (Péchi)—еще очень далеко, и очень трудно составить себѣ ясное понятіе объ этомъ предметѣ. По свойству ожиданія этого святаго человека сотыхъ поколѣній, мудрый избираетъ себѣ

(*) Царство іудейское находится на западъ отъ Китая.

(**) L'invariable Milieu, note, p. 144 — 145.

«ученіе строго испытанное; и если удастся ему не
 «допустить никакой погрѣшности противъ этого
 «ученія, которое есть ученіе святыхъ, онъ уже мо-
 «жетъ не сомнѣваться на счетъ себя самаго: Pë-chi
 «сто поколѣній—выраженіе здѣсь неопредѣлен-
 «ное, означающее *продолженіе времени, неопре-*
 «*дѣленно—продолжительнаго.* Но одно chi озна-
 «чаетъ продолженіе времени *тридцати лѣтъ.*
 «Слѣдственно, сто chi составляетъ три тысячи лѣтъ
 «и въ то время, когда жилъ Конфуцій, было бы
 «странно говорить ему, что святаго человѣка на-
 «добно ожидать чрезъ три тысячи лѣтъ. Предо-
 «ставляя впрочемъ на соображеніе читателей это
 «мѣсто, которое, *если даже понимать его въ*
 «*обыкновенномъ смыслѣ, доказываетъ по край-*
 «*ней мѣрѣ то, что за шесть вѣковъ до наше-*
 «*го лѣтосчисленія въ Китаѣ была распрост-*
 «*ранена мысль о пришествіи Святаго (*).*

Впрочемъ ученіе Конфуція и китайскихъ у-
 ченыхъ согласно съ ученіемъ *Фо*, или *Ксакка*,
 которое усвоено народомъ не только въ Китаѣ, но
 и въ Тибетѣ, главнымъ его мѣстопробываніи, а
 также въ Кохинхинѣ, Тонкинѣ, въ царствѣ Сіам-
 скомъ, на Цейлонѣ и даже въ Японіи. Въ этихъ
 странахъ, погруженныхъ въ идолопоклонство, гос-
 подствуетъ всеобщее вѣрованіе, что Богу надле-
 житъ спасти родъ человѣческій посредствомъ у-
 милостивительной жертвы Верховному Богу за
 грѣхи людей (**). Такое вѣрованіе всегда было од-
 но и то же.

(*) L'invariable Milieu p. 156, 159, 160.

(**) Ex Xaccæ decreto, говоритъ ученый Тюе, Deus quidam ho-
 minibus salutis auctor creditur, postquam per eum su-
 premo Deo de peccatis hominum satisfactum est. Al-
 netar. Quaest., lib. II, c. XIV, p. 237.

На той степени, до которой доведено теперь наше изслѣдованіе объ этомъ предметѣ, оно уже до того убѣдительно, что мы могли бы здѣсь же окончить его, съ полною увѣренностію, признавая страннымъ и неосновательнымъ возможное еще здѣсь предположеніе, будто такого ожиданія относительно Искупителя не было у нѣкоторыхъ народовъ, о вѣрованіяхъ которыхъ намъ слѣдовало бы еще навести справку. Ибо мы находили его у такого значительнаго множества народовъ, до того разрозненныхъ между собою, что изъ одного этого нельзя уже не заключать о единствѣ его происхожденія и всеобщности. Впрочемъ, такъ какъ мы уже доходили до материка американскаго, когда собирали преданія, относящіяся къ паденію чело- вѣчества; то постараемся поискать тамъ же преданій, относящихся и къ его возстановленію.

Самыя любопытныя свѣденія объ этомъ предметѣ мы находимъ у барона Гумбольдта, въ его твореніи: *Кордильеры*. На основаніи его показаній, мы уже говорили, что въ мексиканскихъ произведеніяхъ живописи представляется въ извѣстной связи съ великимъ зміемъ жена, которую американскіе народы называютъ *матерію нашей плоти*. «Другія живописныя произведенія, говоритъ Гумбольдтъ, представляютъ полосатаго ужа, разби- таго въ куски великимъ Духомъ — *Тезкатлипо- кл*, или олицетвореннымъ солнцемъ, богомъ *Тинатиугъ*, который кажется тоже, что *Кришна* у индусовъ и *Митра* у персовъ (*). Эготъ змій, пораженный означеннымъ великимъ Духомъ, носящимъ образъ низшихъ божествъ, есть духъ «злобы, истинный *Kakodaimou*» (**).

(*) *Vue des Cordilières*, t. I, p. 235. 236.

(**) *Ibid.* t. I, 174.

«Какое—то древнее пророчество, говоритъ еще Гумбольдтъ, научило мексиканцевъ, въ религіозныхъ обрядахъ выражать надежду на нѣкоего благодѣтельнаго преобразователя. Въ этомъ пророчествѣ предсказано, что Центеольдъ восторжествуетъ наконецъ надъ жестокостію другихъ боговъ, и тогда жертвы человѣческія уступятъ мѣсто невиннымъ приношеніямъ начатковъ отъ жатвы» (*). Это мѣсто служитъ замѣчательнымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами въ *изслѣдованіи о жертвахъ*. Но еще болѣе замѣчательно здѣсь то, что говорится о томъ, какъ совершится эта побѣда, долженствующая произвести ожидаемое благодѣтельное преобразование и отмѣненіе кровавыхъ жертвъ: это совершится также посредствомъ жертвоприношенія. — «Во многихъ обрядникахъ древнихъ мексиканцевъ, говоритъ Гумбольдтъ, находятъ изображеніе невиннаго животнаго, украшеннаго ожерельемъ, нѣкотораго рода броней, но пронзеннаго копьемъ. По преданіямъ, сохранившимся до нашихъ дней, это—символь страждущей невинности: въ семъ отношеніи это изображеніе напоминаетъ извѣстнаго агнца у евреевъ, или таинственную мысль объ искупительной жертвѣ, предопредѣленной для удовлетворенія оскорбленнаго Божества.» Какое поразительное сходство! И гдѣ истина, если не въ такомъ единствѣ вѣрованій?

Впрочемъ не въ одной только этой части Америки встрѣчаются подобнаго рода преданія. Историкъ Гюмила рассказываетъ, что по преданію Саливцевъ, Юрю послалъ съ неба сына своего убить страшнаго змія, который пожиралъ людей Оренока; и тогда сынъ этого Юрю сказалъ демо-

(*) Ibid. t. I, p. 265.

ну: «ступай, проклятый, во адъ, и чтобы ты никогда не входилъ въ мой домъ.» (*)

На обратномъ пути изъ Америки въ нашу часть свѣта, мимоходомъ замѣтимъ, что подобное же преданіе находится и у народовъ сѣверныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Скандинавовъ, послужившихъ къ обновленію европейскихъ поколѣній почти за осьмнадцать вѣковъ. Въ мѣѳологій этихъ народовъ, отличающейся фантастически—исполискими размѣрами, преданія которой собраны подъ именемъ Эдды, есть пророчество, которое Амперъ не безъ достаточнаго основанія называетъ *откровеніемъ сѣвернымъ*. При всей темнотѣ этого пророчества, въ немъ ясно выставляются слѣдующія многознаменательныя черты: рѣшительная борьба между богами и людьми;—въ этой борьбѣ Торъ (Thor), *первородный между дѣтьми Одина и храбрѣйшій изъ боговъ, вступаетъ въ особенную борьбу съ великимъ змѣемъ (Migdar);—Торъ поражаетъ великаго змѣя, но послѣ своей победы оставляетъ ему жизнь;—потомъ все оканчивается, верховный Владыка полагаетъ конецъ беспорядкамъ и устанавливаетъ предопредѣленные священныя торжества, которыя всегда будутъ продолжаться (**).*

3. Такимъ образомъ ожиданіе Возстановителя природы человѣческой, побѣждающаго зло, добровольно приносящаго себя въ безпорочную жертву правосудію небесному, всемірнаго учителя и основателя религіознаго преобразования, которое имѣло распространяться повсюду и должно продол-

(*) Gumilla, t. I, 171.

(**) Mallet, Voy. en Norvége. Смотри также преданія Скандинавскія въ прибавленіи къ сочиненію: Rationalisme et Traditione par. M. president Riambourg....

жаться навсегда, столько же древне и столько повсюдно, какъ и родъ человѣческій на землѣ. Если подвергнуть внимательному разсмотрѣнію и вѣрованія народовъ, и свидѣтельства поэтовъ и философовъ, и религіозныя установленія, и очистительныя обряды у всѣхъ народовъ; то до очевидности уясняется та истина, что нигдѣ и никогда не было преданія, болѣе всеобщаго, чѣмъ преданіе объ этомъ ожиданіи.

При видѣ такого значительнаго разнообразія путей и средствъ въ сохраненіи и сообщеніи этого преданія и при такомъ совершенномъ единствѣ въ окончательномъ выводѣ изъ всего этого, самый предубѣжденный разумъ оказывается какъ бы окруженнымъ со всѣхъ сторонъ истиною. При такомъ положеніи первое движеніе разума проявляется въ покушеніи занодозрить точность, независимость, достоинство и силу документовъ и свидѣтельствъ, подтверждающихъ истину; но когда онъ ясно видитъ, что всѣ эти документы и свидѣтельства выдерживаютъ всякое испытаніе, заимствованы изъ источниковъ либо свѣтскихъ, либо чисто научныхъ, столько безупречныхъ, что отвергать ихъ невозможно; тогда онъ сознаетъ себя побѣжденнымъ очевидностію, и сдается.

Такъ вынуждено бываетъ поступить и само невѣріе; и прямыя выраженія его признанія въ семь отношеніи, которыя мы намѣрены выписать, были не послѣднимъ изъ возбужденій для насъ въ настоящихъ изслѣдованіяхъ; такъ какъ мы и съ начала были убѣждены въ томъ, что невѣріе только сознательно можетъ признавать истину столь рѣшительную.

Первый примѣръ этого представляетъ Вольтеръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Съ незапамятныхъ временъ у индѣйцевъ и китайцевъ существовало положеніе, что съ запада долженъ придти Мудрый. Въ Европѣ говорили наоборотъ, что этотъ Мудрый долженъ придти съ востока.—*Всѣ народы всегда чувствовали потребность въ нѣкоемъ мудрецѣ*» (*). На эти послѣднія слова, служащія тонкимъ отводомъ, каковыхъ много у Вольтера, и составляющія какъ бы ядовитое жало (*venenum in cauda*) его изворотливаго ума, мы скоро дадимъ приличный отвѣтъ.

Вольней, такъ много занимавшійся изученіемъ древностей, что не могъ не пасть на разсматриваемый нами фактъ и не остановиться на немъ, судя по его важности, отдѣляется отъ него, такъ же какъ и Вольтеръ. «Священныя мифологическія преданія давнопрошедшихъ временъ, говоритъ онъ, по всей Азій распространили върваніе о нѣкоемъ великомъ Посредникѣ, долженствующемъ придти въ міръ, какъ строгомъ и рѣшительномъ Судіи, грядущемъ Спасителѣ, Царѣ, Богѣ—Завоевателѣ и Законодателѣ, Который опять низведетъ на землю золотой вѣкъ и освободитъ людей отъ владычества зла» (**).

Булянье, другой невѣрующій, который перерылъ всѣ древности, для того только, чтобы поднять пыль противъ христіанства, выставляетъ тотъ же фактъ, прибавляя при семъ, по его собственному сознанию, какъ и Вольтеръ, извѣстные намеки, служащіе отводомъ. Въ своемъ сочиненіи: *Antiquité dévoilée* онъ говоритъ, что древніе ожидали боговъ освободителей, долженствовавшихъ цар-

(*) Additions a l'Histoire générale, p. 15, edit. 1763

(**) Les Ruines, ou Méditations sur les révolutions des empires, p. 228.

ствовать на землѣ въ образѣ человѣческомъ, и обманщики часто обращали въ свою пользу такое построение умовъ, чтобы заставить чувствовать себя, какъ боговъ, спешшихъ съ неба. Мнѣніе это находятъ онъ глубоко укоренившимся въ духѣ всѣхъ народовъ и находятъ поразительные на это примѣры (*). Въ другомъ сочиненіи онъ возвращается опять къ тому же историческому показанію и выражается слѣдующимъ образомъ: «евреи ожидали то какого-то завоевателя, то неизъяснимаго какого-то человѣка, и *блаженнаго и счастливаго*; его ожидаютъ еще и доселѣ... Оракулъ Дельфійскій, какъ извѣстно изъ Плутарха, былъ хранителемъ какого-то древняго священнаго пророчества о будущемъ рожденіи сына *Аполлонова*, имѣвшаго возстановить царство правды (**); и все язычество, греческое и египетское имѣло *множество оракуловъ, которыхъ оно не понимало*, но которые всѣ одинаково проповѣдывали эту же *самую всемірную мечту*. Оно-то давало мѣсто безумному тщеславію многихъ царей и князей, заявлявшихъ притязанія выдавать себя за сыновъ Юпитера. *Другіе народы земли* не меньше того платили дань *этому странному призраку*: китайцы ожидали *Фело*, японцы—*Пеѣрумъ* и *Камбодокси*, сіамцы—*Соммона—Кодомъ*; американцы со стороны *Востока*, который можно назвать *полюсомъ чаянія* *всѣхъ народовъ (***)*, ожидали дѣтей солнца, и

(*) L'Antiquite dévoilée par ses usages. t. II, liv. IV, chap. III, p. 369 и слѣд.

(**) Это — тотъ учитель, о которомъ говорилъ Сократъ Алквіаду, когда совѣтывалъ ему отложить принесеніе своей жертвы Аполлону до того времени, когда прійдетъ этотъ Сынъ Божій.

(***) Какое выраженіе! и какое сходство съ нашими пророчествами: се

«въ частности, мексиканцы ожидали одного изъ своихъ древнихъ царей, возвращеніе котораго они должны наблюдать со стороны востока, послѣ того какъ онъ совершитъ путешествіе вокругъ свѣта. *И нѣтъ, рѣшительно, ни одного народа, котораго не имѣлъ бы своего ожиданія въ этомъ родѣ*» (*).

Здѣсь невѣріе, очевидно, само себя поражаетъ. Могущество истины вынуждаетъ у него эти признанія, отъ которыхъ оно не можетъ уклониться иначе, какъ съ принесеніемъ со стороны разума жертвъ, во сто кратъ большихъ, чѣмъ сколько требуютъ ихъ тайны религіи, которыя хочетъ обойти невѣріе.

Какимъ чадомъ предубѣжденія должна быть отуманена голова у того, кто ничего не видитъ въ вѣрованіи, столь постоянномъ, столь однообразномъ и повсюдномъ, какъ это вѣрованіе въ ожиданіе Освободителя, которое однакожъ невѣріемъ называется *страннымъ призракомъ, всеобщей мечтою!* Весь родъ человѣческой единодушно платитъ дань этому странному призраку: ужели весь родъ человѣческой выжилъ изъ ума? Только тогда онъ весь могъ бы увлечься *страннымъ призракомъ!* Одно сочетаніе этихъ двухъ словъ: *всеобщая мечта* не заключаетъ ли само въ себѣ противорѣчія въ понятіяхъ? Съ понятіемъ *о мечтѣ* соединяется представленіе о чемъ—то такомъ, что рѣшительно не имѣетъ подъ собою никакаго дѣйствительнаго основанія; а съ понятіемъ *о всеобщемъ* соединяется мысль объ одномъ изъ самыхъ

мужъ, востокъ имя ему (Захар. 6, 21). *Той чаяніе языковъ* (Быт. 49, 10)!

(*) Recherche sur l'origine du despotisme oriental, sect. X, p. 116, 117.

твердыхъ основаній истины, объ одномъ изъ самыхъ громкихъ речательствъ за истину, какія только возможны между людьми. И гениальный Кювье остялъ, конечно, на твердой почвѣ здраваго смысла, когда высказалъ слѣдующую аксіому: «не возможно, чтобы простой случай приводилъ къ такому всеобщему послѣдствію; и воспоминанія народовъ, не имѣющихъ ничего общаго между собою ни въ религіи, ни въ языкѣ, ни въ нравахъ и обычаяхъ, не сходились бы такъ согласно относительно извѣстнаго предмета, если бы въ основаніи ихъ не лежала истина.»

Да и самъ Булянье ужели забылъ то, что онъ высказалъ относительно потопа? Тамъ онъ говорилъ, что *«въ преданіяхъ человѣческихъ надобно принимать за фактъ то, что признается истиннымъ всеми вообще... Этотъ фактъ (потопъ) можетъ быть оправданъ и подтвержденъ всеобщностію голосовъ; такъ какъ преданіе о немъ хранится во всѣхъ языкахъ и во всѣхъ странахъ міра. Что только можно представить себѣ наиболее извѣстнаго и наиболее неоспоримаго, то есть на сторонѣ этого непостижимаго факта (*)». Всякій человѣкъ съ здравымъ смысломъ, который изучалъ бы только одни преданія, поставляетъ въ необходимость вѣрить ему... Надобно быть самымъ ограниченнымъ и самымъ упорнымъ изъ смертныхъ, что бы сомнѣваться въ немъ, когда принимаютъ во вниманіе*

(*) Итакъ *непостижимое* не есть еще рѣшительно *невѣроятное*; на его сторонѣ можетъ быть даже *все*, что только можно представить себѣ наиболее извѣстнаго и наиболее неоспоримаго. Надо принять къ свѣдѣнію это предложеніе. Конечно, здѣсь дѣло идетъ только о *потопѣ*.

«сличенныя между собою свидѣтельства физическія и историческія и всеобщій голосъ рода человеческого».—Вотъ пачала, которыхъ держится Булянье.

Но какой фактъ наиболѣе оправдывается всеобщностію голосовъ? Какой фактъ наиболѣе сросся съ преданіемъ человеческимъ? Какой фактъ наиболѣе засвидѣтельствованъ всеобщимъ голосомъ рода человеческого, какъ не тотъ самый, о которомъ самъ Булянье, равно какъ Вольней и Вольтеръ, говорятъ намъ, что *нѣтъ ни одного народа, который бы не имѣлъ ожиданія относительно этого событія, и что точка земнаго шара, гдѣ было ожидаемо его осуществленіе, можетъ быть названа полюсомъ чанія всѣхъ народовъ?*

Итакъ всякій человекъ съ здравымъ смысломъ, который изучалъ бы только одни преданія, поставлялся бы въ необходимости вѣрить, что ожиданіе этого событія было не безъ основанія. И если съ этимъ всеобщимъ голосомъ рода человеческого мы сблизимъ свидѣтельства метафизическія и историческія, представляющія намъ какъ человекъ въ частности, такъ равно и все человечество въ совокупности, подъ вліяніемъ двоякаго направленія и двоякой судьбы, по отношенію къ паденію и возстановленію; то тѣмъ съ большею справедливостію должны сказать, что *надобно быть самымъ ограниченнымъ и самымъ упрямымъ изъ смертныхъ, чтобы сомнѣваться въ истинности этого ожиданія.*

Но кромѣ всего этого невѣріе само себя поражаетъ; ибо словами: *всемірная мечта*, которыми оно думало дать рѣшительный отвѣтъ на счетъ предмета, насъ раздѣляющаго, оно, въ извѣстномъ смыслѣ, произнесло осужденіе противъ

самаго себя относительно того же предмета. Можно, по истинѣ, сказать, что означенныя два слова, въ своемъ соединеніи, составляютъ самое сильное выраженіе истины, т. е. утверждаемъ, что *всеобщность вѣрованія, въ соединеніи съ видимою недоступностію его предмета для разума* человеческого, представляетъ самое прочное основаніе достовѣрности. Мы постараемся еще разъ представить это доказательство, уже употребленное въ дѣло въ концѣ первой части настоящаго отдѣла. Болѣе твердаго доказательства мы не знаемъ, хотя оно съ перваго раза представляется страннымъ и противнымъ общему мнѣнію; и такъ какъ оно можетъ имѣть частое употребленіе въ религіозной полемикѣ, то надобно умѣть пользоваться имъ.

Одной истинѣ принадлежитъ высокое преимущество *одинаково* говорить и чувствамъ и уму всѣхъ людей. Поэтому, если извѣстный предметъ вообще, повсюду и всегда, и притомъ однообразно принимается всѣми людьми; то въ этомъ случаѣ умѣстно вѣрить, что такой предметъ — *истина*.

Правда, нельзя не согласиться, что это правило не безъ исключенія. Можетъ случиться, да и случилось, что извѣстное заблужденіе господствовало долгое время во всемъ мірѣ, но это, конечно, было только тогда, когда заблужденіе имѣло сходство съ истиною и представлялось согласнымъ съ естественными расположеніями вещей, или господствующимъ направленіемъ умовъ. Въ семъ случаѣ исключеніе подходитъ подъ правило и служить ему подтвержденіемъ. Такъ на примѣръ, всѣ народы въ мірѣ признавали, что солнце ходитъ вокругъ земли; это — заблужденіе, но почему оно пользовалось такою *всеобщностію*? Безъ сомнѣнія потому, что было *правдоподобно*. Возьмемъ примѣръ въ другомъ родѣ вещей: у всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ бы-

ло въ обычаѣ рабство; это также заблужденіе, — почему же оно пользовалось такимъ довѣріемъ? потому что имѣло кажуціяся основанія разумности и истинны въ томъ смыслѣ, что право побѣдителя на жизнь побѣжденнаго на полѣ сраженія, по видимому, законно переходило въ право условной пощады; ибо кто былъ въ правѣ на большее, тотъ, по видимому, остается въ правѣ на меньшее; а къ тому еще эта обманчивая мысль о правѣ скрашивалась выгодами самаго побѣжденнаго, и под. Такъ слѣдуетъ разбирать всѣ заблужденія, пользовавшіяся какою нибудь *всеобщностію*, и всегда можно находить объясненія ихъ успѣха въ сходствѣ ихъ съ истинною. Только подобнаго рода заблужденіе можетъ быть соглашаемо со всеобщностію голо-совъ и можетъ составлять исключеніе (исключеніе однакожъ служащее подтвержденіемъ правила), изъ начала, нами высказаннаго, что одна только истина имѣетъ высокое преимущество одинаково говорить всѣмъ людямъ.

Поэтому, если извѣстное вѣрованіе всѣми людьми вообще принимается, повсюду и всегда, и если предметъ его не имѣетъ сходства съ истинною, въ такомъ случаѣ вѣрованіе это не можетъ быть заблужденіемъ *аналогическимъ*, т. е. имѣющимъ нѣкоторыя черты, подходящія къ истинѣ. А такъ какъ, на основаніи вышесказаннаго объясненія, только аналогическое заблужденіе относится къ такому роду заблужденій, на которыя можетъ падать еще *всеобщность* согласія человѣческаго; то слѣдуетъ, что предметъ взятаго нами вѣрованія не относится къ числу заблужденій, а есть — истина. Отсюда выходитъ, что чѣмъ далѣе отстоитъ какой предметъ отъ правдоподобія, тѣмъ меньше бываетъ возможности изъяснить всеобщность вѣрованія въ отношеніи къ нему инымъ образомъ, какъ допу-

стивши, что онъ самъ въ себѣ носить сокровенную истину, ему одному свойственную; и что по этому если встрѣчается предметъ, пользующійся самою большею какою только возможна, всеобщностию довѣрія, по который съ тѣмъ вмѣстѣ представляется самъ по себѣ до чрезвычайности *страннымъ*; въ такомъ случаѣ этотъ предметъ оказывается наиболѣе достовѣрнымъ и истиннымъ. Ибо онъ съ одной стороны своею *странностию* не допускаетъ предположенія, будто его, при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, могло вызвать и измыслить воображеніе всѣхъ людей, а съ другой всеобщностию вѣрованія въ него поставляетъ въ необходимость предполагать въ немъ истину первобытную, которая въ началѣ доставила ему такую всеобщность, по смыслъ и значеніе которой впоследствии могли быть утрачены. Тутъ уже не заблужденіе прикрывается одеждою истины, какъ въ первомъ случаѣ, но истина закрывается видимыми нми оттѣнками заблужденія, и тѣмъ вѣрнѣе это предположеніе, что она, несмотря на эти неблагопріятные для нея наружные оттѣнки, могла удержать за собою свою *всеобщность*.

Но такого именно свойства всеобщее ожиданіе Искупителя всѣми народами, и самъ Булянье наложилъ такимъ образомъ на это ожиданіе глубокую печать истины, назвавъ его *всемірною мечтою*. И несмотря на то, что означенное ожиданіе названо у него этимъ именемъ въ другомъ смыслѣ и съ инымъ намѣреніемъ, мы однакожъ не пристаемъ къ этому мнѣнію, и въ короткихъ словахъ постараемся доказать, что если это *всемірное ожиданіе* въ глазахъ Булянье показалось мечтою; то тѣмъ болѣе оно должно было бы казаться такимъ же въ глазахъ древнихъ народовъ, и что по этому *они не платили*, какъ онъ говоритъ, *дань*

странному призраку, а покарялись силѣ истинны, дошедшей до нихъ по преданію, и это тѣмъ вѣрнѣе, что не смотря на наружные оттѣнки призрака, она удержала за собою вполне свою всеобщность.

Дѣйствительно, изъ всѣхъ характеристическихъ принадлежностей этого преданія въ особенности двѣ представляются рѣшительно противоположными всѣмъ древнимъ предразсудкамъ, и тѣмъ болѣе сами собою предполагаютъ въ немъ первобытную истину, возвышающуюся надъ этими предразсудками: это *во первыхъ* то, что ожидаемый Искушитель произойдетъ изъ среды народа отдаленнаго и мало извѣстнаго другимъ народамъ; а *во вторыхъ*, что плоды благодѣтельнаго посольства его будутъ всеобщіи и одинаковы для всѣхъ людей; что тогда вся земля будетъ гладкая, объединенная и ровная, какъ сказано у Плутарха, и на ней будетъ одна только жизнь и одинъ образъ управленія людьми, среди общаго благополучія.

Народы древности, всѣ безъ изъятія, отдѣлялись другъ отъ друга самыми исключительными притязаніями національными. Для каждаго народа всѣ другіе народы были варварами и врагами. У каждаго изъ нихъ было свое особое происхожденіе и свои собственные судьбы, своя эгоистическая жажда власти и господства надъ другими; и эти разъединяющія противоположности господственно дѣйствовали не только въ отношеніяхъ одного народа къ другому, но и частнаго человѣка къ человѣку, и продолжались на неопредѣленное время послѣ сраженія, въ рабствѣ. Самое небо, перестроенное по образу земному, представляло тоже зрѣлище раздоровъ и раздѣленій между богами, усвоившими себѣ раздоры и раздѣленія отъ людей.

Кто мысленно поставитъ себя въ среду этихъ предразсудковъ, тому повятно будетъ, что идея о народѣ чужомъ и низкомъ, по которому принадлежало преимущество даровать міру Освободителя и всеобщаго Учителя, должна была представляться для всѣхъ прочихъ народовъ мечтою, враждебною всѣмъ ихъ интересамъ. Въмѣсто того, чтобы измышлять подобную мечту и питать ее, имъ надлежало бы, напротивъ, отвергнуть ее и присвоить себѣ каждому въ частности означенное преимущество. Но нѣтъ, всѣ народы, — исключая іудеевъ, — отрекаются отъ такого притязанія (и по истинѣ, странное дѣло, если бы тутъ не было самой истины, — истины, изложенной въ книгѣ Бытія, и потомъ болѣе и болѣе раскрытой въ послѣдующихъ священныхъ книгахъ!), этотъ Избавитель, Царь, *Богъ, Побѣдитель*, долженъ явиться для всѣхъ народовъ Европы и Америки на востокъ, а для народовъ индейскихъ и китайскихъ на западъ, т. е. неизбѣжно выходить, въ томъ мѣстѣ земнаго шара, которое занято было народомъ іудейскимъ, которое можно было назвать *полюсомъ* чаянія всѣхъ народовъ (*).

Равнымъ образомъ идея о плодахъ посланничества этого Избавителя — всѣ образы правленія измѣнить въ одинъ, подвести подъ одинъ уровень всю землю, надѣлать всѣхъ людей однимъ общимъ благополучіемъ; эта идея равенства, единства и всемірнаго сліянія, — идея совершенно новая, которая только послѣ того какъ явилась міру въ любвеобильномъ сердцѣ Иисуса Христа, начала мало по малу развиваться среди безчисленныхъ препятствій со стороны страстей человѣческихъ, — эта

(*). Римскія преданія, которыя отнесены нами къ слѣдующему трактату, придадутъ еще большую силу этимъ соображеніямъ.

идея для народовъ языческихъ должна была представляться нелѣпностію, *страннымъ призракомъ*; и вмѣсто того, чтобы усвоить ее, они должны были бы защищаться отъ нея всѣми силами своихъ частныхъ предразсудковъ. А между тѣмъ этого именно всеобщаго возрожденія и ожидали отъ посольства Искупителя, по преданію *весьма древнему*, о которомъ говоритъ Плутархъ, какъ перешедшемъ отъ богослововъ и законодателей давно прошедшихъ временъ къ поэтамъ и философамъ, хотя неизвѣстно, кто былъ первымъ виновникомъ его; но оно такъ давно впечатлѣлось въ вѣрованія и убѣжденія людей, чтояѣтъ никакой возможности ни изгладить, ни искоренить его. По преданію этому, не грекамъ только, или египтянамъ, или персамъ, либо китайцамъ, должно быть даровано избавленіе, по людямъ вообще, всей землѣ. —

Въ этомъ двойкомъ свойствѣ ожиданія Искупителя, очевидно, есть нѣчто, господственно возвышающеея надъ понятіями и правами народовъ языческихъ, что *должно было казаться имъ странностію*, и слѣдовательно тѣмъ болѣе было истинною высочайшею по своему происхожденію, что она не была подавлена такимъ невѣжествомъ противоположныхъ ей предразсудковъ, противъ которыхъ она шла. За то Булянье со всею справедливостію говоритъ еще, что язычество, относительно сего, имѣло много пророчествъ, но не понимало оныхъ; что и служить подтвержденіемъ того, что выше сказано нами. Языческая древность, была безсознательною и невнимательною хранительницею этого преданія, совершенно не заботилась о соблюденіи его въ неповрежденности, или приведеніи его въ какое либо единство; а это еще болѣе доказываетъ особенную внутреннюю силу единства этого преданія и могущественную твер-

дость сосредоточенія, какую оно заключало само въ себѣ, т. е. въ истинности Божественнаго обѣтованія, дарованнаго роду человѣческому въ лицѣ патриарховъ и родоначальниковъ размножившихся впоследствии народовъ языческихъ, утратившихъ, или исказившихъ истинный смыслъ этого обѣтованія, какъ и другихъ истинъ первобытной Религіи.

Мы замѣтили еще одно частное свойство этого преданія, весьма доказательное, и, къ удивленію, должно сознаться, этимъ мы обязаны замѣчанію, или лучше, признанію другаго недруга, Вольтера. Конечно, дѣлая это замѣчаніе, онъ старался ослабить силу преданія, а вышло напротивъ, онъ только большую придалъ ему крѣпость: таково могущество истины, — возставать противъ нее значитъ давать ей возможность укрѣпляться.

«Съ незапамятныхъ временъ, говоритъ онъ, у индійцевъ и китайцевъ существовало положеніе, «что съ запада долженъ придти *Мудрый*. Въ Европѣ говорили наоборотъ, что этотъ Мудрый долженъ придти съ востока. *Всѣ народы всегда чувствовали потребность въ нѣкоемъ мудрецѣ.*» Этими послѣдними словами Вольтеръ, очевидно, хотѣлъ ослабить важность факта, въ двоякомъ отношеніи замѣчательнаго, именно: всѣ народы ожидали Мудраго, согласно пророчеству, записанному въ книгѣ Бытія: *Той чаяніе языковъ*; съ другой стороны, всѣ народы ожидали, что Ему надлежитъ явиться между Европой и Азією, опять согласно другому древнему пророчеству, которое читается въ книгѣ Числъ: *возсіяетъ звезда отъ Іакова*. Этотъ то чрезвычайно-важный фактъ Вольтеру и хотѣлось ослабить хитрымъ намекомъ, что всемірное то ожиданіе Мудраго было небольшое, какъ оболъщеніе, выродившееся изъ ощущаемой всѣми народами потребности нѣкоего Мудреца.

Но наоборотъ это совершенная истина.

Если бы потребность въ нѣкоемъ Мудрецѣ могла родить желаніе это, а это желаніе — породить ожиданіе его, тогда Вольтеръ, надобно согласиться, былъ бы правъ. Ибо никогда человѣчество не имѣло большей нужды въ Мудрецѣ, никогда не блуждало оно по распутіямъ болѣе мрачнымъ и развращеннымъ, какъ во времена язычества, когда, какъ мы уже видѣли, безумство и развращеніе человѣческое возведены были даже на небо; когда Платонъ не смѣлъ общенародно предлагать ученіе о единомъ Богѣ, за что заплатилъ жизнию Сократъ; когда *философія* и *безбожіе* означали одно и то же, какъ говоритъ Цицеронъ, и когда суевѣріе, по его же словамъ, овладѣло всеми народами и тиранически повелѣвало слабостями человѣческими.

Но кто не примѣчаетъ здѣсь, что эта именно великая пужда въ нѣкоемъ Мудрецѣ довела людей до того, что они не сознавали и не чувствовали своей собственной потребности? Ибо признаніе ея было бы уже признакомъ мудрости; а свойство этой нужды таково, что она сама себя не сознаетъ даже въ видахъ своихъ интересовъ. Доказательство этому въ томъ, что ничего не было подобнаго, а наоборотъ, люди увлекались обольщеніями, рѣшительно противоположными, и *мнимыхъ мудрецовъ* никогда не было больше, какъ въ эти времена, такъ что когда наступило опредѣленное время, и явился *истинный Мудрецъ*, Его предали крестной смерти.

Такимъ образомъ и Вольтеръ, подобно Булянье, самъ себя поражаетъ тѣмъ ударомъ, который готовился нанести истинѣ, и изъ его замѣчанія, что *всѣ народы имѣли нужду въ нѣкоемъ Мудрецѣ*, слѣдуетъ вывести заключеніе, что ожа-

даніе *этого мудраго* не могло быть *обольщеніемъ*, но необходимо, должно быть, имѣло основаніе въ нѣкоторой особенно важной, первобытной истинѣ, которая *среди всѣхъ обольщеній* гордости и безумства человѣческаго могла удержать за собою такую всеобщность, не иначе какъ при содѣйствіи первоначальной могущественной силы, почерпаемой ею въ собственной древности и въ важности первобытнаго откровенія.

Еще менѣе можно изъяснить какимъ либо инымъ образомъ ту замѣчательную особенность, что ожидаемому Мудрецу надлежало, по голосу всѣхъ народовъ, явиться въ одномъ и томъ же опредѣленномъ мѣстѣ на землѣ, хотя это мѣсто занимало противоположное положеніе въ отношеніи къ разнымъ народамъ земнаго шара, — въ мѣстѣ, которое съ точностію обозначено пророчествами іудейскаго народа, и въ которомъ дѣйствительно явился ожидаемый Просвѣтитель міра.—

Припомнимъ и другія замѣчательныя черты, относящіяся къ предмету этого преданія, представляющаго въ одной связи паденіе и возстановленіе человѣческаго рода, именно: что зло вошло въ міръ *неповиновеніемъ и желаніемъ многовѣднія*; что жена, первая поддавшись обольстительному искушенію змія, въ своемъ паденіи увлекла за собою мужа, а чрезъ него — и все человѣчество; что съ этого времени весь родъ человѣческій признавалъ себя преступнымъ и состоящимъ подъ наказаніемъ; что противъ этого онъ всегда и вездѣ искалъ помощи въ очищеніи посредствомъ ходатайственной жертвы, имѣющей силу искупить наследственное преступленіе своею *кровію*, и что онъ, сверхъ всего этого, ожидалъ Избавителя, который будетъ такою жертвою, предъизображенною всѣми прочими жертвами, который родится отъ Дѣвы, будетъ Сы-

номъ Божіимъ, удовлетворитъ правосудію Отца своего, побѣдитъ несконнаго врага человѣческаго, не истребляя его всецѣло, воссоединитъ всѣ народы однимъ мирнымъ и братскимъ союзомъ и въ средѣ ихъ откроетъ на всѣ времена царство истины, примиренія и освященія. — Кто можетъ отрицать, что всемірныя преданія согласны между собою относительно всѣхъ этихъ предметовъ? И въ этомъ всеобщемъ единомысліи касательно столь многообразныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствъ кто можетъ признавать *мечту* или *призракъ*, если самъ онъ — не мечтатель, въ высшей степени, не человѣкъ самый ограниченный и упрямѣйшій изъ смертныхъ?

Но на эти замѣчанія и вообще на все предшествующее содержаніе настоящей второй книги представится болѣе полное подтвержденіе, при разсмотрѣніи самага предмета, къ которому они относятся.

ЦИРКУЛЯРНЫЙ УКАЗЪ

Св. Синода, по поводу Высочайшаго рескрипта отъ 13 Мая.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24 минувшаго Мая, за № 5098, съ приложеніемъ препровожденнаго къ нему, Господину Оберъ-Прокурору, Предсѣдателемъ Комитета Министровъ, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ княземъ Гагаринымъ, списка съ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго въ 13 день того же Мая на имя его, князя Гагарина, о главныхъ началахъ, которыми должны руководиться министры главнoуправляющіе отдѣльными частями при управленіи вѣренными имъ вѣдомствами. Приказали: Высочайшую волю ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, изображенную въ рескриптѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, сообщить преосвященнымъ епархіальнымъ Архіереямъ циркулярнымъ указомъ слѣдующаго содержанія:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ царственномъ попеченіи объ охрaненіи вѣренняго Ему Богомъ народа русскаго отъ вредныхъ лжеученій и обнаружившихся въ послѣднее время стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все ископи священное для нашего отечества, на ученіе вѣры, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ, Высочайшимъ рескриптомъ, на имя Предсѣдателя Комитета Министровъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника князя Гагарина, благоизволилъ указать тѣ главныя начала, ко-

торыя, при твердомъ и неуклонномъ соблюденіи ихъ начальствами всѣхъ частей государственнаго строя, положить предѣль дальнѣйшему распространенію зла.

Православному россійскому духовенству, въ предустановленномъ ему кругу дѣятельности, предлежитъ наипаче послужить къ осуществленію сей священной воли **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**.

Божественное ученіе, преподаваемое Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святыми Его апостолами, призываетъ всѣхъ къ высокому нравственному усовершенствованію; оно заповѣдуетъ взаимную любовь, освящаетъ союзъ семейственный, воспрещаетъ даже и мысль о посягательствѣ на собственность ближняго, повелѣваетъ воздавать *Божіа Богу и кесарева кесареву* и поучаетъ повиноваться *властямъ предержащимъ*. Утвержденіе сихъ Божественныхъ правилъ въ православномъ народѣ есть прямой долгъ пастырей Церкви; они должны *проповѣдывать слово, настоя благовременнѣе и безвременнѣе* (2 Тим. 4. 2) и непрестанно бороться съ ученіями и умствованіями, дерзновенно посягающими низвергнуть или поколебать Богооткровенныя истины вѣры и нравственности, обличая неправоту сихъ ученій и пагубу сихъ умствованій. Дѣйственно и благоплодно будетъ исполненіе сего святаго долга, если пастыри церкви вмѣстѣ съ тѣмъ всегда будутъ являть въ самихъ себѣ *образецъ для вѣрныхъ во словѣ, во житіи, во любви, во духѣ, во вѣрѣ, во чистотѣ* (1 Тим. 4, 12).

Большинство священнослужителей трудится на поприщѣ народнаго образованія, обучая дѣтей въ начальныхъ училищахъ, преподавая законъ Божій въ учебныхъ заведеніяхъ, принимая участіе въ до-

машнемъ образованіи юношества, воспитывая сами семейныхъ своихъ: вездѣ открывается имъ обширная пива для благоуспѣшнаго насажденія и плодотворнаго возвращенія сѣмянъ вѣры и нравственности христіанской, для воспитанія и укрѣпленія въ юныхъ воспріимчивыхъ сердцахъ тѣхъ святыхъ началъ, которыя одни только и могутъ образовать полезныхъ членовъ общества, истинныхъ сыновъ Церкви, добронравныхъ и вѣрныхъ служителей Престола и Отечеству. Вѣра въ Бога и въ Богооткровенное ученіе, исполненіе обязанностей христіанина, любовь къ ближнимъ, почтеніе къ родителямъ, воспитателямъ и старшимъ, повновеніе властямъ, уваженіе къ законамъ—вотъ тѣ начала, дѣятельное усвоеніе коихъ должно составлять предметъ заботы и отвѣтственности учителей вѣры.

Бдительнаго вниманія и попеченія духовенства требуютъ также (повторяющіяся со стороны враговъ мира и любви попытки къ возбужденію вражды и зависти между разными сословіями. Къ прекращенію и предупрежденію сихъ коварныхъ попытокъ, къ водворенію взаимнаго между всѣми сословіями согласія, на началахъ любви христіанской основаннаго, православное духовенство, по долгу своего служенія, можетъ и должно дѣйствовать словомъ благоразумнаго убѣжденія, проповѣданіемъ мира и любви, заповѣданныхъ Спасителемъ.

Руководителямъ въ воспитаніи и образованіи духовнаго юношества надлежитъ обратить вниманіе на духъ и направленіе учебныхъ заведеній, ввѣренныхъ смотрѣнію ихъ. Опытъ послѣдняго времени свидѣтельствуешь, что нѣкоторые, хотя и весьма немногіе, изъ питомцевъ сихъ заведеній, по оставленіи духовнаго званія, *влающеся вся*

кимъ вътрюмъ ученія во лжи чловѣческой (Ефес. 4, 14), отрѣшившись отъ тѣхъ началъ, въ конхъ были воспитаны, къ посрамленію своего происхожденія, показали себя и въ словѣ и въ дѣлѣ вредными членами общества, бросивъ тѣнь и на мѣста первоначальнаго своего образованія. Сіи печальныя явленія, хотя и исключительныя, могутъ дать поводъ предположенію, что сѣмена вѣры и благочестія недостаточно были насаждены въ сердцахъ и умахъ, легко поддавшихся вѣянію тлетворнаго духа современныхъ мудрованій. Въ виду сего, Святѣйшій Синодъ поручаетъ особенному архипастырскому попеченію и бдительному наблюденію Преосвященныхъ неприкосновенное сохраненіе въ питомникахъ духовнаго просвѣщенія тѣхъ началъ, которыя положены въ основаніе ихъ учрежденія; да будутъ они, въ прямомъ смыслѣ, училищами истины, образующими благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей Слова Божія, да не коснется ихъ всеколеблющій духъ вольномыслія, но да пребудетъ въ нихъ невредимымъ и незыблемымъ тотъ искони жившій въ нихъ духъ премудрости, основанной на Богооткровенномъ ученіи, духъ разума, смиряющагося въ послушаніе Христово, духъ спасительнаго страха Божія, всецѣлой любви къ Спасителю и къ Его святой Церкви, преданности своему званію и безусловной покорности волѣ начальства. Сей вождельный духъ можетъ быть охраняемъ и поддерживаемъ преимущественно добрымъ примѣромъ и направленіемъ начальствующихъ и наставниковъ, строгимъ съ ихъ стороны вниманіемъ къ своему служенію и точнымъ, неуклоннымъ исполненіемъ обязанностей онаго. Посему лица нетвердыя въ сознаніи своего долга не могутъ быть оставляемы при воспитаніи и образованіи духовнаго юношества; о замѣнѣ ихъ на поприщѣ духовно-

училищной службы другими, болѣе надежными, Преосвященные имѣютъ безотлагательно входить съ надлежащими представленіями, которыя приняты будутъ въ особенное вниманіе высшимъ начальствомъ.

Святѣйшій Синодъ сохраняетъ увѣренность, что преосвященные епархіальные Архіереи, въ живомъ сознаніи въ сей благодѣтельности вышензъявленной Высочайшей воли и необходимости настоящихъ указаній къ точному исполненію ея, приложить сугубое архипастырское попеченіе къ тому, чтобы подвѣдомственное имъ духовенство, въ духѣ апостольской ревности и любви, кротости и терпѣлии, при указанныхъ средствахъ, послужило къ охраненію и утвержденію въ православномъ народѣ Русскомъ искони чтимыхъ имъ началъ вѣры, правственности и общественнаго порядка и чрезъ то явило себя непостыднымъ и достойнымъ дѣлателемъ на пользу Церкви и Отечества. **Юля 15 дня 1866 года.**

Съ дозволенія цензуры. 9 Сентября 1866 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Госуд. Имуществъ.